

фактическим материалом об историческом развитии Византийского государства, который приводится в соответствующих главах книги. Это не означает, разумеется, что в рецензируемой книге решены все вопросы, связанные со сложнейшей задачей, давно стоящей перед специалистами, — генезисом феодализма в Византии. Неясной остается, например, социальная база того государства, в котором осуществлялась экспроприация сенаторской землевладельческой знати и упрочение свободного крестьянства. Слишком неопределенны данные о соотношении свободного крестьянства и зависимых землевладельцев в различных византийских провинциях, и нет уверенности в том, что вывод о «господстве крестьянской общины» достаточно обоснован. Но в целом, как рабочая гипотеза, охарактеризованная выше концепция социального перелома в Византии имеет положительное значение.

Духовная культура Византии IV—VII вв. рассматривается в книге как прямое продолжение античной культуры. Новое заключалось в том, что античному наследию придавалась богословская направленность, во всяком случае оно перерабатывалось в соответствии с христианским вероучением. В Византии не было такого упадка образованности, как на Западе. Некоторые отрасли науки даже продолжали здесь прогрессировать, например география, право, химия, медицина. В крупных городах сохранялись высшие школы, библиотеки, развивались далее все жанры литературы. Для искусства также характерны взаимодействие и соперничество между христианской культурой и античной. В философии происходила борьба между неоплатонизмом и христианской философией — восточной патристикой. Характеристике основных черт неоплатонической философии и ее эволюции в IV—VI вв. посвящена специальная глава, в которой излагается интересный материал. Определение социальной базы этого философского направления («узкая прослойка городской рабовладельческой знати, связанной с городским самоуправлением», стр. 408) носит, однако, слишком умозрительный и искусственный характер.

В общем же авторским коллективом I тома «Истории Византии» проделана большая плодотворная работа. Заново, в соответствии с материалом, накопленным современной византинистикой, освещен переходный период от античности к средневековью, от Восточной Римской империи к Византии. Ряд положений, высказанных в книге, остается спорным. Но это свидетельствует лишь о том, что авторы не уклонились от нерешенных исторической наукой вопросов и предложили собственное их понимание.

Книга написана живо, хорошим языком. Рецензируемое издание является не только ценным вкладом в советскую византистику, но и станет книгой, доступной как специалистам, так и широким слоям читателей исторической литературы.

А. Р. Корсунский

НОВАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ СЕРБО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIV в.

Сербской Академией наук и искусств недавно издана монография выдающегося византиниста Г. А. Острогорского «Серрская область после смерти Душана»¹, посвященная истории сербо-греческого княжества, существовавшего в Юго-Восточной Македонии в 1356—1371 гг. и имевшего столицей греческий город Серры. Выбор автором этой темы нельзя не признать весьма удачным и своевременным. История сербо-византийских отношений в XIV в., история греческих областей, потерянных Византией и вошедших в состав территорий своеобразных сербо-византийских государств (Сербо-Греческое царство Стефана Душана и сформировавшиеся после распада этого царства в Македонии, Эпире, Фессалии и Албании княжества сербских династов) разработана еще очень слабо. Совершенно прав Г. А. Острогорский, что «для изучения отношений между сербами и греками в старых византийских землях нет более интересной области, нежели эта, Серрская (стр. 1).

Разумеется, предпочтение, отданное этой области, обусловлено не только тем, что Серрское княжество, как отмечает автор, в наибольшей мере соприкасалось с Византией и имело в своем составе греческие области и города Южной Македонии (включая Афон). Это, по нашему мнению, вызвано также тем (заметим в противовес словам автора о «скудости» и «малочисленности» наличных источников — стр. 1—2), что именно для Серрского княжества, в отличие от других сербо-греческих государств (таких, как Фессалийское царство, Веррийское княжество Хлапена, Воденское княжество Фомы Прелюбовича, княжество Богдана и др.), наука располагает относительно большой документальной базой. Немало актов сохранилось в афонских монастырях, пользовавшихся благоволением и милостями сербских властителей Серр (царицы Елены-Елизаветы, вдовы Душана, и ее преемника, деспота Иоанна Углеши). Для воссоздания же ис-

¹ Г. Острогорски. Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, 171 стр. (с картой: «Владения деспота Иоанна Углеши»).

тории почти всех прочих сербо-греческих княжеств мы фактически не имеем не только актов, но даже и такого одностороннего и тенденциозного, хотя живого и яркого, нарративного материала, который содержится в Эпирской хронике.

Монография Г. А. Острогорского вызывает большой интерес. Автор впервые в историографии свел воедино и проанализировал рассеянные по многим публикациям (в том числе недавним) материалы, углубил и расширил произведенные им ранее экскурсии по данному кругу проблем истории Византии и сербо-византийских отношений². Большим достоинством книги следует признать также то, что автор исследует вопросы как политической, так и социально-экономической и даже этнической истории Серрского княжества. Так, начиная с освещения внешнеполитической истории, проблем возникновения этого государства и его границ (гл. I и II), Г. А. Острогорский рассматривает далее имеющиеся данные о населении и экономике княжества (гл. III), о его внутривизантийской системе, администрации и суде (гл. IV). В конце работы автор возвращается к вопросам внешней политики и истории церкви (гл. V — «Серрская митрополия и Афон под властью сербов», гл. VI — «Великая война против турок»). С вопросом о восточных границах Серрского княжества связаны два этюда, завершающие монографию: первый — о византийских феодалах Алексее и Иоанне Палеологах, утвердившихся в 1356—1357 гг. в Хрисополе и Анакторополе, второй — о датировке захвата турками византийского города Комотины (Гюмюрджини) во Фракии, на восточных рубежах Серрского государства.

Рассмотрение всех этих вопросов позволило автору сделать много весьма интересных и ценных выводов и наблюдений, а также гипотез и предположений, имеющих немалое значение для истории самого Серрского княжества и для освещения как сербо-византийских взаимоотношений во второй половине XIV в., так и сложных международных отношений на Балканском полуострове в связи с усилением турецкой экспансии (в частности, обстоятельств антитурецкого похода Углеши и его брата Вукашина, последствий их разгрома и гибели на р. Марице в 1371 г. и т. д.).

Как нам представляется, с особым мастерством написан раздел об установлении в Серрах власти Иоанна Углеши и взаимосвязи этого переворота с так наз. «зулупацией» его братом, королем Вукашином, власти в Сербии (стр. 6—12). Тщательно аргументирован раздел об этнической принадлежности масс населения (главным образом греков и славян) и представителей господствующей верхушки (феодалов и чиновников) в Серрском княжестве (стр. 42—56, 100—102). Много нового вносит автор и в определение восточных границ княжества при Углеше; в частности, весьма убедительно представляется критика мнения югославского историка Г. Шкриванича о наличии сербской власти в Родопах еще до завоеваний Углеши, равно как и предложенная автором датировка присоединения Углешей этих районов области Волеоров 1366—1369 гг. (стр. 31—37). Привлекает внимание заключение автора, что «монастырские имения были крепче и стабильнее прочих» (стр. 62), поскольку этим можно объяснить стремления светской знати и императорского двора захватить богатые церковные имения и, таким образом, осуществить частичную секуляризацию в Византии (впрочем, при этом следовало бы учитывать и односторонность сохранившегося документального материала — преимущественно монастырских актов). Совершенно обоснованы также и возражения Острогорского против поспешной идентификации разных церковных деятелей той поры (стр. 105, прим. 6; стр. 110, прим. 27).

Отмечая некоторые из многочисленных достоинств книги Г. А. Острогорского, мы не можем не высказать сожаления, что автор отказался от мысли дать целостную картину политической истории Серрского княжества и его отношений с Византией и Сербией, ограничив тематические и хронологические рамки своей монографией.

Было бы весьма интересным узнать мнение Г. А. Острогорского о статусе Серрской области в рамках Сербо-греческого царства: было ли оно самостоятельным государством (и когда) или же его можно считать лишь полусамостоятельным уделом Сербо-Греческого царства (в частности, в период правления царицы Елены и даже в начале правления Иоанна Углеши, о чем Г. А. Острогорский упоминает на стр. 5 и 18).

Весьма желательным было бы также найти в монографии анализ данных о походе императора Матфея Кантакузина против Серрского государства в 1357 г.

Следует пожалеть также, что во второй главе («Территория») автор не проследивает границы Серрского государства за весь период его существования (1356—1374), говоря о территории княжества лишь при Иоанне Углеше (1365—1371). Предшествующего периода он касается главным образом при анализе свидетельств о судьбе Хрисополя, Хрисополя и других владений Алексея и Иоанна Палеологов (стр. 28—31). В связи с этим мы хотели бы высказать ряд соображений и уточнений. По нашему мнению, распространенные представления³ о территории и роли Серрского княжества страдают преувеличениями, так как при этом не учитываются результаты византийского наступления в Македонии (после 1350 и после 1355 гг.). Поэтому остается спор-

² Например: Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951; его же. Радоливо, село светогорского монастыря Ивирана. — ЗРВИ, кн. 7, 1961.

³ Ср. Т. Д. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., вып. 2. СПб., 1882, стр. 189.

ным, действительно ли были катастрофическими последствия гибели княжества в 1371 г. для Византии и южных славян (см. стр. 1, 143, 145).

Уже после 1350 г. контуры сербо-византийской границы часто менялись и притом скорее всего в пользу Византии, нежели в пользу сербских правителей (в том числе и властителей Серрского княжества). Г. А. Острогорский пишет, что царь Стефан Душан «уже в январе 1351 г. снова взял Водену, а вскоре после этого Хлапен занял и Веррию, так что в существующем положении ничего не изменилось» (стр. 130, курсив наш. — Е. Н.). Однако в единственном источнике, рассказывающем об этом эпизоде сербо-византийских отношений — «Истории» Иоанна Кантакузина, ничего не говорится о том, что Веррия и другие города, отвоеванные византийскими императорами, были тогда снова взяты сербами, а тем более — что Веррия была вскоре после падения Водены занята Хлапеном⁴.

Как известно, именно этот сербский вельможа Хлапен в 1350 г. перешел к Иоанну Кантакузину вместе с другим сербским феодалом Толиславом⁵. Следовательно, Хлапен не мог занять тогда снова Веррию в качестве военачальника сербского царя, которому он изменил. Рассказ Эпирской хроники о взятии Веррии Радославом Хлапеном позволяет полагать, что это случилось уже после распада Сербо-Греческого царства, видимо в 1356—1357 гг., когда Хлапен в период борьбы претендентов (Уроша и Симеона) за царский престол и наступления византийцев мог вновь перейти на сербскую сторону. Действительно, как следует из Эпирской хроники, он стал одним из приближенных царя Уроша⁶. Заметим, кстати говоря, что с данными Кантакузина об успешном византийском наступлении против Сербии в 1350 г. целиком согласуется и свидетельство византийской простагмы от марта 1351 г., которое приводит Г. А. Острогорский (стр. 75—76).

Самый факт издания простагмы и, следовательно, отказа монахов монастыря Ксиропотама от выгодного пожалования Душана, показывает, что уже в марте 1351 г. вся Халкидика снова находилась под властью Византии. Там сказано, кроме того, о минувшем «нашествии сербов», что уже издатель этой грамоты Бомпер толковал как доказательство восстановления власти империи на Халкидике до марта этого года.

Мы полагаем, что именно этим возвращением после 1350 г. Халкидики и других смежных районов Южной Македонии под власть византийского императора и надеждами афонских монахов на скорое освобождение от «противозаконной» сербской власти прочих городов (в том числе Серр), искони входивших в состав Ромейской империи, объясняется в действительности тот «парадокс», о котором неоднократно упоминает Г. А. Острогорский и который заключается в издании византийскими императорами и патриархом Каллистом в 1350—1357 гг. жалованных грамот в пользу монастырей Афона, находившегося, по мнению автора, непрерывно под сербской эгидой вплоть до 1371 г. (стр. 41, 119—123).

Нам представляется, что объяснять этот «парадокс» «двойственности» сербо-греческой власти на Афоне «мощью вековых традиций» и «непрерывностью» связи афонских монахов с Византией можно было бы лишь в том случае, если бы в 1350—1357 гг. позиции Сербии на македонском побережье были так же сильны, как в 1345—1349 гг. Однако соотношение сил Сербии и Византии менялось, усиливался распад Сербо-Греческого царства, и все более опасными для него становились походы Иоанна и Матфея Кантакузинов, Никифора Эпирского, Алексея и Иоанна Палеологов, которые привели, как известно, к сужению территории Сербского царства, в том числе и Серрского княжества.

Следует заметить, что и позднее (в 1358 г.) владения Серрского княжества были не столь обширны, как полагает Г. А. Острогорский. Простагма великого воеводы Углеши (октябрь 1358 г.) свидетельствует, по нашему мнению, не только и не столько о том, что Углеша играл тогда в княжестве видную роль (стр. 17), сколько о том, что юго-восточная часть Струмской области или находилась тогда под властью Византии (Углеша «по милости нашего государя» деспота Мануила подтверждает дарение кесариссы, жены сербского кесаря Воихны⁷), или же, по крайней мере, Византия обладала верховной властью над уделом или буферным государством Воихны, вероятно, впавшего в немилость у парицы Елены (быть может, именно за его связи с Византией во время похода Матфея Кантакузина).

Хочется поспорить с автором также в вопросе о роли царицы Елены в событиях. В источниках есть данные о значительном политическом влиянии царицы Елены-Ели-

⁴ Joannis Cantacuzeni historiarum libri IV, v. III. Bonnae, 1832, p. 162 (ср. Т. Д. Флоринский. Указ соч., стр. 189). К. Иречек, на которого ссылается Г. А. Острогорский, пишет лишь, что дата завоевания сербами Веррии неизвестна (К. Иречек. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 230).

⁵ Cantacuzeni, v. III, p. 135 (ср. Т. Д. Флоринский. Указ соч., вып. 1, стр. 106—107; вып. 2, стр. 186). Между прочим, Иречек ничего не говорит об этом переходе Хлапена и Толислава к Кантакузину.

⁶ Г. Дестунис. Историческое сказание инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858, стр. 9.

⁷ P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1945, p. 231.

заветы (напомним хотя бы о ее деятельности еще при Душане, о ее стараниях заключить союз с Никифором Эпирским, о переговорах с Каллистом и т. п.); Г. А. Острогорский, по нашему мнению, приуменьшает ее роль в жизни Серрского княжества, называя ее «скромной», хотя тут же пишет, что она «не только формально» возглавляла княжество (стр. 6). Также спорным, на наш взгляд, остается вывод о распространении прони в Серрском княжестве и о преобладании прониаров в войске серрских правителей (стр. 63), поскольку имеется лишь единственное упоминание прониара (притом, возможно, еще византийского).

Говоря об историко-культурных аспектах монографии Г. А. Острогорского, нельзя не выразить сожаления, что внимание автора к источникам неравномерно: исследуя социально-экономические проблемы, он привлекает материал всех наличных источников (начиная с начала XIV в. и кончая даже свидетельствами XVI в.), касаясь же вопросов политической истории, автор отказывается в доверии свидетельствам «Истории» Кантакузина, Эпирской хроники и др., хотя именно в области политической истории, как нам представляется, как раз эти источники могут помочь решить немало спорных вопросов, в особенности в области сербо-византийских отношений во второй половине XIV в.

Появление интересной монографии Г. А. Острогорского является важным событием в византиноведении и славяноведении. Оно, несомненно, приведет к расширению исследований всех аспектов этой интересной проблемы.

Е. П. Наумов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Изучение истории народонаселения в Византии, собственно говоря, только еще начинается. Проблема эта весьма важна: разумеется, не следует в демографических переменах видеть конечную причину социальных преобразований, как это иногда делается¹, однако представление о численности населения империи и о его относительном движении, несомненно, должно уточнять наше суждение о социальных процессах в Византии.

Трудность, однако, состоит в том, что мы располагаем лишь скудными и случайными, по большей части недостоверными цифрами. Даже исчисление количества жителей Константинополя базируется главным образом на косвенных данных: так, Д. Якоби, исходя из площади этого города и данных о плотности средневековых городов Италии, пришел к выводу, что население византийской столицы в VI в. не могло быть выше 375 тысяч². П. Харанис полемизирует с ним, опираясь на цифры Прокопия о смертности во время чумы 541 г., и склоняется к тому, что население Константинополя было близко к 600 тысячам³. Однако оперировать свидетельствами нарративных источников при статистических расчетах — крайне рискованно; к тому же Г.-Г. Бек показал, что внимательное истолкование Прокопия не дает основания для выводов, сделанных Харанисом: те цифры потерь, которые Харанис распространил на весь период эпидемии, относятся на самом деле лишь к ее кратковременному апогею⁴.

Итак, важнейшей задачей византийской демографии на настоящем этапе является выявление источников для исчисления народонаселения империи. В этом отношении прежде всего необходима критическая проверка цифр, извлекаемых из нарративных источников, — проверка на основании иного, более надежного материала. Опираясь на нарративные источники, Харанис исчисляет население крупных византийских городов (Эдесса, Никея, Пруса, Траллы) в 25—35 тысяч; Солунь, по его мнению, имела свыше 100 тысяч жителей; он отмечает, что в Эрзеруме в 1049 г. турки убили 140 тысяч человек — впрочем, он не оговаривает своего отношения к этой цифре, сообщаемой Скилицей⁵. Принципиально иные выводы были получены А. Л. Якобом в результате

¹ К этому, в частности, склоняется Дж. Тилл, полагающий, что уменьшение народонаселения в Константинополе в конце VI в. позволило империи преодолеть кризис (J. T e a l l. *The Grain Supply of the Byzantine Empire.* — *DOP*, 13, 1959. p. 133). Напротив, П. Лемерль связывает преодоление кризиса с иным — но опять-таки демографическим — фактором, с возрастанием сельского населения в VII—VIII вв. в результате славянских вторжений (P. L e m e r l e. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance.* — *RH*, 249, 1958, p. 64).

² D. J a c o b y. *La population de Constantinople à l'époque byzantine.* — *Byz.*, 31, 1961. Следует подчеркнуть, что Якоби говорит о максимально возможной, а не о действительной цифре; к тому же, на мой взгляд (см. мою рецензию: *ВИ*, 1962, № 5, стр. 191 и сл.), она должна быть несколько уменьшена.

³ P. C h a r a n i s. *Observations on the Demography of the Byzantine Empire.* — *The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies.* London, 1967, p. 449 f.

⁴ См. тезисы Г.-Г. Бека: *ibid.*, p. 474 f.

⁵ P. C h a r a n i s. *Observations on the Demography*, p. 452. Иногда население Солуни исчисляют даже в 200 тысяч (см. P. A. H a s l e d o v a. *Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты.* — *ВВ*, VIII, 1956, стр. 77 и сл.).